

Пролог

— Ну-ка, все расступились по-хорошему! Чего толкотню создаете, мешаете дознанию, — рыкнул старший следователь Московского губсуда Мезенцев на столпившихся у дома № 2А в Трехпрудном переулке.

Чуть ли не локтями растолкав толпу, он нырнул в парадную дверь, ютящуюся под треугольным портиком и зажатую меж двумя полуколоннами. В старом грязно-канаресечном френче с отвисшими карманами, брюках галифе и сапогах, выглядел Мезенцев по-военному угрожающе.

За ним следовал судмедэксперт — профессор Грених и стажеры: Петя Воробьев, студент медицинского факультета — светловолосый, восторженный, двадцати пяти лет, на вид совсем юноша, и Леша Фролов с карандашом за ухом и планшетом для глазомерной съемки под мышкой.

Двойное убийство, которое привело их сюда майским днем 1927 года, подняло на уши весь дом — жильцы высыпали из квартир на ступеньки, как консервированный горох из жестянки. На лестнице Мезенцев продолжал прокладывать себе путь локтями. Жильцы расступались, говорить прекращали, только когда судебные работники шли мимо, и таким образом возникала волочившаяся за ними звуко-

вая волна, словно из плохого радиоприемника. Люди стояли на площадках, на ступеньках, они явились из соседних домов.

Все хотели видеть место преступления, поразительно походившее на последний день Помпеи. Случилось нечто совершенно невиданное — какие-то чужие хозяину квартиры люди оказались погребенными под слоем черной пены посреди гостиной. Их будто настигло извержение вулкана в час веселого застолья. В отсутствие вулкана в доме это было по меньшей мере странно.

— Буржуйка взорвалась. Или «пчелку» топил, — говорили одни.

— Он, видно, решил разжечь камин! — предположили другие.

— Да нет уже в помине там никакого камина.

— Не буржуйка это и не камин, — вырвался вперед рыжеволосый мальчишка в тельняшке из квартиры напротив. — Угорели они от паленого самогону. А что? Так бывает! Черные оба — я видел.

Мезенцев, прибывший первым и порядком уставший от внимания соседей, взял мальчишку за оба плеча и бесцеремонно переместил в сторону. Он очень спешил провести следственную команду на место преступления до того, как любопытная толпа смешает все улики.

Квартирка была небольшой, но жильца по неизвестным причинам уплотнять не стали, жил он один, имея свой туалет с ванной. Жил тихо, неприметно, работал в кинотеатре не то кассиром, не то бухгалтером, пока не случилось с ним вот такое.

Миновав тесную прихожую, следователь и медик вошли в гостиную, и Грених наконец разглядел, из-за чего сыр-бор. Взгляд тотчас приковал круглый стол под длинной льняной, вышитой гладью скатертью, уставленный дорогими ликерами и хрусталем. Над ним висела зажженная бронзовая люстра с керамическим абажуром бирюзового цвета. Вокруг расставлены венские стулья в аккуратных чехлах.

С левой стороны стола стекала на слегка отставленный стул черная застывшая масса. Со стула она свисала к полу и растекалась угольной пузырчатой горкой на ковре. Не сразу можно было понять, что это странное лавовое облако имело слабые очертания человека, который сидел на стуле, уронив руки и голову на стол.

— Серная кислота с сахаром, — Грених инстинктивно задержал дыхание. В комнате с единственным окном, которое выходило на балкон, стоял стойкий кислотно-удушающий запах произошедшей химической реакции.

— С чем-чем? — Воробьев сверкнул на мгновение юношеской, озорной улыбкой, но посерьезнел, осознав, что места веселью здесь нет, и судорожно застрочил в блокноте, вынужден из-за пазухи. Одет он был в черную кожаную куртку, протертую на локтях и воротнике, под ней неизменно накрахмаленная белая сорочка со значком «РКСМ» на груди.

— Вот оно что, — бросил за спину старший следователь, тоже морщась. — Вы полагаете?

— Очень похоже, — и Грених рассказал, как в детстве они баловались с братом, смешивая в кухне сахарную пудру с концентрированной серной кислотой и наблюдая, как из сосуда, дымившегося и смердевшего кислым, выползает страшный черный монстр. Будто живой, он шевелился и потрескивал, тянулся к детским любопытным мордашкам, норовя тяпнуть за нос. Наверное, не было такого мальчишки, который не пробовал смешивать многоцветные химикалии, стянутые из кабинета естественных наук в гимназии. Но опыт с сахаром и серной кислотой оставался самым зрелищным.

Мезенцев слушал, стоя вполоборота, заложив руки за спину и поглядывая на Грениха стальным взглядом искоса. Было ему за пятьдесят. Решительный, резкий, прошедший огонь и воду германской войны и революции, старый большевик, который, как и Грених, начинал свой революционный путь еще в кружках зарождавшегося «Союза освобождения», по образованию военный инженер. В народную милицию пошел, полагая, что служба его в угрозыске станет временной,

но по особому распоряжению наркома юстиции перевелся в Мосгубсуд в 1923-м, так в нем и остался.

Говорил он сквозь зубы, преодолевая спазм в левой щеке и бесконечно проводя рукой с обрубленными мизинцем и безымянным пальцем по гладким, зачесанным назад волосам некогда красивого каштанового цвета, ныне погребенного под пеплом седины. Лоб у него был низкий, обезьяний, нависающий на глаза, и он все норовил его открыть.

— Кто бы мог подумать, Сергей Устинович, сахар с серной кислотой! — покачал головой Леша Фролов, усевшись на корточки в углу между торшером и полками, доверху набитыми журналами и подшивками газет.

Положив на коленку деревянный планшет и сдвинув кепку на кудрявый затылок, он принялся вычерчивать план квартиры. Карандаш в его руке так и носился по бумаге. В глазомерной съемке ему — выпускнику строительного факультета, мобилизованному из-за нехватки кадров на общественную помощь в Губсуд, — не имелось равных. Числился он стажером, но фактически был за помощника следователя. Работал самоотверженно, комсомолец, метил в судебные сотрудники.

— Где они сахара столько раздобыли? — медленно прохаживаясь, буркнул следователь. — Сколько здесь, по-вашему, Константин Федорович? Пудов пять, не меньше?

Пристальным, будто из перископа, взглядом он обводил завешанные гобеленами стены не тронутой перепланировкой и по-старому уютной комнаты. Оглядел почерневшую лепнину, буржуйку в правом от балконной двери углу, вишневого цвета шторы, парящих павлинов на абажуре люстры.

— Это только кажется, что много, — отозвался Грех. — Пены получается в несколько раз больше, чем было исходного материала реакции.

Профессор обошел стол и наткнулся на еще одну горку черной массы, которую было не разглядеть со входа из-за длины скатерти. Труп свернулся калачиком, на мгновение показалось, что его сожгли в серной кислоте живьем, но Кон-

стантин Федорович отмел эту мысль — понятное дело, что жертва извивалась бы, пачкая все кругом, а ковер был не тронут, лишь тонкие струйки будто карамельного сиропа растекались от ног и головы покойника блестящими дорожками. Видно, сахар, перед тем как смешивать с кислотой, растворили в воде, чтобы реакция наступила скорее.

— Надо искать, где на складах случилась недостача, — вставил Воробьев.

— А вообще, конечно, затейливый способ сделать трупы неопознаваемыми. Дактилоскопу здесь делать нечего — никаких отпечатков, — прицокнул языком Леша, вычерчивая линии. — И ведь не жалко продукта! Это сколько стаканов сладкого чая погублено!

— Посуда нетронута, приборы слегка покрыты пылью — так бывает, когда она подолгу лежит в поставце. Ликеры все закупорены, — Воробьев почесал карандашом затылок. — Это какое-то постановочное убийство. Затейливое. С загадкой. Уж точно не бытовое...

— Пока свидетель не заговорит, головы ломать рано, — сурово оборвал его Мезенцев.

В дальнем углу на табурете у двери, ведущей в спальню, сидел трясущийся человечек в летнем сатиновом костюме, одетом впопыхах. Грених заметил неправильно застегнутый жилет, криво сидящую манишку, из-под которой проглядывали бледная морщинистая шея с глубокой яремной впадиной и острая ключица. Розовая лысина в венце седых волос блестела под лучом майского солнца, настырно пробившегося в небольшую прореху в шторе. Человечек дрожал, пытаясь совладать с невольным подпрыгиванием колен, которые заставляли плясать стиснутые ладони, и одновременно жмурился, пытаясь спрятаться от света.

Оставив разглядывать хозяина квартиры, Грених приступил к своим прямым обязанностям. Его не касались причины и мотивы преступления — это дело следователя. Он обязан лишь сделать первичный осмотр тел и дать свои показания для протокола.

Стянув со скатерти нож и вилку, Константин Федорович отбросил полы своего английского военного тренчкота и присел на корточки, начав с тела, что было на полу. Черная угольная масса под натиском столовых приборов неохотно, со скрипом начинала отваливаться кусками, обнажая жженные волосы, скукоженную, белую, будто сваренную, кожу лба.

Некоторое время он диктовал, а Петя, положив поверх блокнота бланк протокола, записывал.

— Под воздействием экзотермической реакции тела плавилась, поэтому ковырять их дальше лучше в морге, — Грених отложил на стол нож и вилку. — Сейчас поторопимся, и пену эту вместе с кожей начнем снимать. И без того кислота сделала лица жертв почти не опознаваемыми. Могу лишь сказать, что смерть того, что сидит, наступила часов двенадцать, может, восемнадцать назад.

Мезенцев, наблюдавший за действиями Грениха, стоя у книжных полок с заведенными за спину руками, дернул щекой и провел пальцами по загривку.

— Шкловский, — каркнул он в сторону хозяина квартиры. — Когда, вы сказали, явился тот незнакомец?

Человечек вскинулся, глаза его расширились, подбородок затрясся, на губах выступила слюна, он сильно покраснел от усилия, напряжился так, что руки на коленях заплясали чаще, голые пятки в бумажных носках принялись отбивать настоящую чечетку.

— Вы-вы-вы-я-я-я-от-от-от... — затянул он.

— Ну что ж вы опять за свое? Успокоились же было... — И Мезенцев обратился к Грениху: — Свидетель после всего этого сильно заикаться начал. Опросить его не могу. Одно только и выяснил, что вчера вечером к нему незнакомый человек в дверь позвонил. И записку оставил: «Милицию вызвать в 16:00». А что хотел, почему у него в квартире два обугленных трупа к утру появились — не выпытать никак. Надеюсь на вспомоществование. Заикание — это ведь ваш профиль?

Грених обратил взгляд к человечку. Тот посмотрел на Константина Федоровича снизу вверх жалобными глазами животного, приведенного на убой.

— Я-я-я-не-не...

Мезенцев обошел стол и положил тому руку на плечо.

— Товарищ Грених — не только профессор судебной медицины, он имеет опыт работы психиатром, специалист — каких не бывало. Я, знаете ли, сам в войну контузию получил такую после удара по затылку, что тоже заикался, похуже вашего. Одна беседа с ним — и все как рукой сняло. Чудо! Истинное чудо науки.

Шкловского эти слова не слишком успокоили, он задрожал еще больше.

— Да что вы трясетесь, он вас и пальцем не тронет. Сами увидите! — и повернулся к Грениху: — Здесь сможете ваш этот сеанс провести? И чтобы недолго.

— Прямо здесь будет трудно, — профессор замылся, ощущая прежнюю никуда не девшуюся неловкость и боязнь, что гипноз именно сейчас не сработает. Это чувство возникло всегда, хотя с тех пор, как он впервые после неудачи с гипнозом в Преображенской психлечебнице, где служил ординатором еще до революции, взялся заново изучать гипнотерапевтической метод, прошло уже больше года и редко когда сеансы давали осечки.

Если бы он не заставил себя перебороть неуверенность, бедная Ася так и не заговорила бы. Именно этой хрупкой, но отважной девушке, которая теперь с успехом оканчивала первый курс химико-фармацевтического факультета 2-го МГУ, что возвышался купольной ротондой с мощной колоннадой на Малой Пироговской, Грених был обязан тому, что советская судебная медицина взяла на вооружение гипнотизм как новаторскую методiku в изучении личности преступника и получении признаний от обвиняемых и свидетелей. Под гипнозом Ася не только заговорила, но и поведала обо всех тонкостях преступления, совершенного секретарем земской газеты, свидетелем которого невольно стала. Слу-

чай привлек внимание масс. Да столь скоро, что нынче Грених уже сейчас готовил очередную порцию лекций на основе курса Токарского «Терапевтическое применение гипноза» в Институте судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского, куда окончательно перевелся, оставив должность сотрудника КСЭ¹ в пользу исследовательских работ.

Его метод не просто получил одобрение, он был с энтузиазмом подхвачен руководителем института Евгением Николаевичем Довбней и его замом Цецилией Мироновой Фейнберг. Открывались широкие просторы в изучении личности преступников, убийц и маньяков. Довбня наделил Грениха почти неограниченными полномочиями в грядущем исследовании. Сам Дзержинский, нарком внутренних дел и председатель ГПУ, еще до того памятного пленума ЦК в прошлом июле, после которого умер, лично вызывал Грениха к себе, дав понять, что идеей развить гипноз здесь, в России, где пока о нем слышали лишь от бродячих циркачей и заморских фокусников, заинтересован сам генсек Центрального Комитета партии. В Париже уже даже созывался гипнологический конгресс, на котором было принято постановление о введении изучения гипнотизма в преподавание медицинских наук. И только в России гипноза боялись и считали его шарлатанством.

Глава МУУРа Соколов, тотчас как узнал о возможности научиться использовать гипноз в следственных делах, прислал несколько своих инспекторов на стажировку. Самуил Максимович Брауде — заведующий уголовным отделом Мосгубсуда — все чаще просил Грениха присутствовать при допросе свидетелей. Порой само присутствие гипнотизера развязывало языки, иногда приходилось прикрывать агентурную информацию якобы успешным гипнозом, но, бывало, Грениху доводилось применять такие техники, которые заставляли людей против воли, в трансе, говорить только правду.

---

¹ Кабинет судебной экспертизы.

А все это было потому, что Ася, занемогшая мутизмом¹ и давшая согласие лечить себя гипнозом, бойко застрекотала во время сеанса, промолчав до этого целых два месяца. Студенты Грениха, которые присутствовали при сеансе, разнесли сенсацию по всему МГУ. Это не могло остаться без внимания. Грених понимал, что теперь он будет вынужден выгрести из себя все знания о гипнозе, отринуть любые сомнения и двигать гипнотизм в массы, готовить поколение психиатров, которые, точно фокусники, мановением рук могли бы лечить любые нервные и психосоматические болезни, и дознавателей, которые выводили бы лжецов и врагов народа на чистую воду.

По крупицам он собирал работы брата по гипнотерапии, съездил в Ленинград, посетил Психоневрологический институт Бехтерева, сходил и в бывшую Преображенку. Там он нашел только горстку предметов, которые Макс использовал в гипнозе: тибетскую чашу, колокольчик, небольшой барабан д́амару да старый потрепанный томик «Махабхараты»². Он был единственным, кто в изучении гипноза черпал знания в сокровищницах Восточной Индии.

Разложив все это богатство перед собой, Грених вспоминал, как Макс вводил в транс пациентов, заставлял их — во имя выздоровления — испытывать мучения, страх или успокоение, как он тряс перед их лицами колокольчиком или заводил деревянным пестом тибетскую чашу, звук которой будто проникал в мозг, все внутри переворачивал, а потом приводил в порядок. Будто какой-то маг, он излечивал многие нервные болезни, поднимал силу духа у безнадежных больных, избавлял от вредных наклонностей, используя странный шаманский набор совершенно не медицинских предметов.

И вот этим всем Константину Федоровичу теперь придется заняться самому, да еще других учить.

---

¹ Отсутствие речевого общения больного, реакция на потрясение.

² Древнеиндийский эпос, включающий в себя множество легенд, притч, гимнов.

Объяснения Грениха, что такой общественный «эксперимент» может дать непредвиденный результат, были пропущены мимо ушей. Машина набирала ход и уже неслась вперед.

— Нам до умения, которого бы следовало бояться, еще расти и расти, — отмахнулся Довбня, который был одним из лучших учеников Ардалиона Ардалионовича Токарского — наряду с Бехтеревым тот вел экспериментальные исследования гипнотических состояний до революции. — От алкоголизма заговорить, внушить истеричной бабе тишину в голове — это все, чему нас Ардалион Ардалионович научил. Чаша эта едва почата, работы на сто лет! Будем учиться вместе со студентами. Дальше посмотрим. Сейчас нам всякое ремесло, каждый специалист дорог. А уж коли у вас практика давно на рельсах стоит, быть вам в авангарде.

Так Грених стал специалистом по гипнозу. Откажешь — проявишь безынициативность, а греха страшнее в молодом советском государстве не существовало.

Грених указал на ванную комнату, Мезенцев подтолкнул хозяина квартиры, тот мигом встал и сам не понял, как переместился в ванную и сел на опущенную крышку унитаза. Грених щелкнул выключателем, тускло засветилась под потолком одинокая лампочка без абажура, осветив резную метлахскую плитку на полу и некогда белые, ставшие изжелта-серыми, старые квадраты настенного кафеля. Он прошел внутрь, сел на край ванны напротив пациента. Мезенцев махнул рукой, мол, мешать не будет, и закрыл дверь.

Дожили — сеанс гипноза в туалете.

— Как ваше имя? — спросил Грених со вздохом, нехотя, и, достав из кармана часы на цепочке, уронил локоть на овальную раковину с латунными краном и мыльницей. Пациент снова стал выбивать из себя очереди согласных, словно старый заевший пулемет. Грених щелкнул крышечкой, глянул на циферблат, закрыл часы. Потом открыл вновь. Закрыл. Открыл. Закрыл.

Хозяин квартиры в удивлении уставился на вороненый узор прибора, на подскакивающую и мерно опускающуюся крышечку.

— Как ваше имя? — повторил Грених.

— Ви-виссарион Ф-ф-фролович Шкловский, — произнес наконец тот, заметно успокоившись.

— Виссарион Фролович, вы, видимо, очень потрясены происшествием в вашей квартире, к которому касательства не имеете, — Грених произнес эту фразу нарочно утвердительно, чтобы создать у пациента ощущение безопасности, дескать, все на его стороне, зла не желают и заведомо ни в чем обвинять не станут.

Тот хотел было сказать что-то, но не смог, вместо этого резко замотал головой.

— Вы раньше заикались?

Он опять отрицательно замотал головой, еще шибче прежнего, выражая тем самым страстное желание избавиться от внезапной напасти.

— Невротическую форму заикания, возникшую на фоне сильного стресса, лучше сразу подвергнуть лечению, потом спазм речевого аппарата может и не отпустить.

— Каа-каа-к ле-ле?

— Успокойтесь, — беспечно пожал плечами Грених.

— И в-в-все?

— И все, — Константин Федорович щелкнул крышечкой, открыв и закрыв часы. — Вы будете смотреть на мои часы, дышать медленно и глубоко до тех пор, пока не начнет клонить в сон.

Несколько минут Грених монотонно открывал и закрывал часы: крышечка с приятным щелчком отскакивала, он на нее нажимал пальцем, с тем же приятным щелчком опуская. Очень скоро глаза пациента отяжелели и закрылись, Константин Федорович чуть наклонился к нему, коротко нажал на средостение. Шкловский безвольно откинулся спиной на белый кафель позади.

— Вы спите... — приглушенно начал Константин Федорович. — Вас ничто не беспокоит, тело окутало приятное